

МЛАДШИЕ миллионеры Елеубай Мурзаков, поставив бер аяну между собой, сидят в тени высокого деревянного забора и охраняют незадачливых кустанайских конюхарадов. Плотные прилипавшие к ржа-ной решетке, заключенные смеются и открывают окно на пустынную базарную площадь, на низенькие саманные домики на чахлой зелени тихого степного городка.

Опять из арестантов запел песню «Шалкар колы» — «Полноводное озеро». Голос у невидимого певца был незвонкий, нестройный, слышался, как будто кривая губа от досады. Не выдержав, он сам за-пел «Шалкар колы», запел так, как пел бы два года назад в родном доме. В домике стало тихо, словно в метель. Заключенные с восхищением слушали миллионера. Когда певец смолк, деловит, жидкий, в аржановской обстановке, аркиду из-за решетки:

— Джамис, Елеубай Моло-деш!

Но в эту минуту к Мурза-кову неожиданно приблизился начальник милиции, товарищ Ибраев, человек тучный и с виду суровый.

— Ты слышишь и поешь! — сказал он зловещим тоном и деланно отмахнулся от мужи-кударной ветки карагача. — Ну что я буду с тобой делать, Елеубай?

Мурзаков смущенно молчал. Он стоял являтьжыку, по-глаживая ладонью накаливше-еся от солнца ладно берда-еяны. Глуп начался, начался. Солнце пекло нещадно. Ибраев не любил жары. Он заторопился в кумбисе. Милицио-ны отнесшим тоном жу-рился пронырлившего подчинен-ного.

— Елеубай! — дружно за-кричали из окна конюхара-дов. — Спой еще, Спой! «Кергу-з»! — Ибраев, не выходя из сто-рона и потрогав бердаею, — Нельзя! Сиди тихо!

На другой день в своем ка-бинете начальник милиции Ибраев отнесшим тоном жу-рился пронырлившего подчинен-ного.

— Ты хорошо грамотный джигит, Елеубай. Ты окончи-л четырехмесячные курсы ми-лиционером? Ты служишь в ра-бонне-крестьянской милиции уже почти два года. Но если ты будешь нести так карауль-ную службу дальше, ты никак не останешься младшим миллио-нером. Я не сержусь, когда ты поешь в школе для ребят. Но тебе поставили строгие заклю-чения, а не учувствуй айт-е. Какое дисциплинарное наказание я на тебя наложу, мой друг, за иверный ответ-но? Что ты на это ответи-шь?

Ибраев старался как можно суровее смотреть на Елеуба-ея. Мурзаков переступал с ноги на ногу. Сердце его было на-полнено беспокойством. Он одернул гимнастерку и реше-тельно сказал:

— Ты прав, товарищ началь-ник. Служба в милиции не-сет мне одни неудачи. У меня сердце народное увеселитель. Мне сейчас владать четыре года, а я пою из толк уже де-сять лет, и народ любит мои песни и шутки. Пусть меня, начальник, учатся в городе. Ибо, в Оренбурге есть ка-захский театр. Лучше я буду хорошим артистом, чем плохим милиционером.

В Оренбурге? — началь-ник замолк головой, будто его укусила оса. — Нет, артист— это не настоящая профессия для казаша. Советская власть открыла широкую дорогу ми-лиционеру. Если ты проявишь усердие, то можешь дослужи-ться даже...

Ибраев торжественно поднял палец с желеобразным кончи-ком.

— до начальника узедной милиции. Подумай, что это зна-чит!

Я хочу учиться на арти-ста, — не сдаваясь упорный Елеубай. — Я — народный уве-селитель. Отпусти меня в

Оренбург, начальник! Хотя и очень не хотелось Ибраеву расставаться с Елеуба-ем, он не подумал: «В один севог не входит две ноги. Не-обходимо человеку нести и ми-лиционерскую службу и однокре-мное веселить народ». И он сказал:

— Хорошо, я тебя отпущу. Но если ты вернешься, не возмущай обратно на службу. Мне нужны милиционеры, а не народные увеселители. В милиционерской форме, вы-шедшей от бесполночного ку-станайского солдана, Елеубай появился на улицах Оренбур-га. Он рассчитывал найти в столице Казахстана нацио-нальный театр, но не нашел. Слухи оказались неверными. Учтився «на артиста» было не-зачем.

Ты поступай в Казахский институт народного образова-ния, — посоветовала Елеубаю добрые люди. Ты хорошо знаешь грамматику. Ты можешь из подготовительный курс и обучат на мугалима.

И милиционер Мурзаков, послеслова деловного совету, задумался и, поблагодарив, его поспешил в общежитие ин-ститута, где он встретил сей-платившего акына Исх Бай-зехова и Капана Балдырова. Ибо в Мурзакову, эти два человека любили театральное ис-кусство.

— Друзья! — сказала им Елеубай. — В Кустанайском учебном институте в дружеско-е сотрудничество с самодельно-сти при «Красном Караване» Джамалиялова. У нас устраив-еются небольшие концерты. Не-ужели мы с вами будем здесь сидеть, сложа руки?

Он стал рассказывать среди студентов любителей драмати-ческого искусства и вышел на большую сцену, на сцену на-машающего драматурга — Ерма-на Ердоганова. Этот юноша, об-ладатель литературных та-лантов, выступил в дружеско-е сотрудничество с самодельно-стью при «Красном Караване» Джамалиялова. У нас устраив-еются небольшие концерты. Не-ужели мы с вами будем здесь сидеть, сложа руки?

Он стал рассказывать среди студентов любителей драмати-ческого искусства и вышел на большую сцену, на сцену на-машающего драматурга — Ерма-на Ердоганова. Этот юноша, об-ладатель литературных та-лантов, выступил в дружеско-е сотрудничество с самодельно-стью при «Красном Караване» Джамалиялова. У нас устраив-еются небольшие концерты. Не-ужели мы с вами будем здесь сидеть, сложа руки?

В 1922 году малое при-дательство перенесло столицу республике из Оренбурга в Кызыл-Орду. Студенты институ-та перекочевали с берегов Ур-ала на Сыр-Дарью. Елеубай встретил здесь актеров, приехавших из разных уголков Ка-захстана. Наркомпрос собрал их, решил создать Государст-венный национальный театр драмы. В Кызыл-Орде появи-лась первая труппа профессио-нальных актеров. В нее вошли люди, которые воспринимали из Парижа песен Амре Кашу-баева, его друг акына Иса Бай-закова, бывший актовый изво-зчик Каламба Куандыба, ра-ботник уголовного розыска Серке Кожымкулов, студенты Елеубай Мурзаков, Капан Балдыров и мугалим Курман-бек Жандарбеков. Последнему, как наиболее грамотному, при-шлось быть на первых порах режиссером театра.

Творческая судьба Курман-бека оказалась менее удачной, чем у Елеубаи. Жажда знаний привела его в Ташкент, куда стремился молодежь, желав-шая поступить в Казанский ин-ститут просвещения. Наплыв желающих в ту осень был о-громный, а приемные экзамены трудные. Курманбека не при-няли, тем более, что ему еще не было полных тринадцати лет.

Вечером он сидел на по-чечнике в общежитии и мо-лчал на пустынный двор. Он завидовал своим чинкметским товарищам, с которыми по-щадим принагал в Ташкент, Они благополучно сдали при-емные испытания, их приняли в институт. Сейчас они весели-лись внизу, где студенты устро-или концерт художественной самостоятельности. Звонкие го-лоса поющих доносились в от-крытое окно до Курманбека. И чем радостнее они звучали, тем больше горя испытывал мальчик, пребывавший в одино-честве.

Далеко его чинкметских друзей вбежали в пустую комнату.

— Курман, что ты тут де-лаешь один? Мы тебе ищем везле.

Курманбек молчал.

— Не пойду! — А мне пришли за тобой. Ты очень хорошо поешь. Пусть, здевшая молодежь послушает твои песни.

— Оставьте меня, — рассер-дился Курманбек. — Вам хо-рошо, вы и поете. А мне не-чему радоваться.

Но друзья не оставили его. Они чувт не силой ставили Курманбека на инкий этаж. Где студенты почти как на-блюдя соревновались друг с другом. Земляки долго уговар-ивали Курманша сест и все-таки безуспешно. Но тут кто-то из студентов посоветовал позвать на помощь Гани. Вот что су-мее справиться с маленьким упрямцем.

К Курманбеку подошел стройный юноша с пышными темными кудрями, в алеским. Они слово шепотом за-крыли его широкий лоб. Подходящий был смелого реста, на радом с Курманбе-ком казался высоким.

— Здравствуй, джигит! — Гани Муртабаев потянул ру-ку, пристально разглядев Курманбека. — Тебя мальчи-ки не назвали, что ты очень хо-рошо поешь. Почему же ты не хочешь доставить нам радость и спеть хотя бы одну песню. В карих глазах Гани светле-лись искреннее дружелюбие. Оно не сразу, но покорило сердце Курманбека.

— Хорошо, я спою! — угро-мно согласился он.

Курманбек был так мал ро-стом, что его необходимо было поставить на возвышение. Ина-че слушатели не смогли бы увидеть певца.

Гани помог ему взобраться на стол.

— Что ты будешь петь, ма-ленький? Как относишь твое вы-ступление?

— Я спою «Саулемай».

— Чудесная песня, — одоб-рил Гани и, покрывая шум, объявил громким голосом:

— Курманбек Жандарбеков из Чинкмета поет «Саулемай». И вот летящая песня, которую Муртабаев точно назвал ну-

досой. Тихо в зале. Очаро-вавшая чистым голосом юного певца, молосеж боится по-шегалиться. Гани слушает «Саулемай», подумывая гав-за. Это его любимая песня.

Пром рукоприкладств был за-служенный наградою певцу. Его подхватили без конца, и он пел песню за песней. Все весели-лись, а Курманбек вновь опечалился. Он вспоминал, что завтра мало возвращаться в свою Кырпе. А ему там хо-телось учиться в Ташкенте, что-бы стать мугалимом.

Земляки успели уже пове-дать Гани причину повали-юного певца. Его не принима-ют в институт. Ему только де-вятьнадцать лет. Но чем виноват Курманбек, что он так позно романс?

Гани Муртабаев был не то-лько секретарем комсомоль-ской ячейки института. Он вел большую работу в ЦК комсо-мольской Туркестана. С ним си-налась дирекция института.

— Надо принять Жандарбе-кова, — сказала Гани. — Он стремится к образованию. Он нешком принис из Чинкмета, — Ему девятнадцать лет!

— Скоро будет тринадцатый. — Он плохо подготовлен и не стал экзамен. Преподана-рошко, вы и поете. А мне не-чему радоваться. — Не будет трудно. Я буду с ним заниматься сам! — сказа-л Гани. — Урачушко он бу-дет хорошим студентом.

Директор перестал возра-жать. Он знал, что переспорит Гани Муртабаева невозможно.

И вот Гани беседует неапе-не с Курманбеком.

— Тебя возьмут в институт, хотя ты плохо подготовлен. Чтобы не отставать от товари-щей по курсу, тебе придется учиться больше, джигит. Это трудно, но я обещаю директору помочь тебе.

— Спасибо!

— За простое спасибо я по-могаю не буду, Курман! — Лицо Курманбека вытяну-лось.

— Я потребую с тебя плату.

— Но мне нечем платить.

— Найдется чем, — увере-но сказал Гани. — Каждый день я буду с тобой занима-ться по часу и каждый день ты мне будешь петь одну песню! — «Саулемай». Такой мы заклю-чим с тобой договор.

— Я готов петь по три пес-ни! — воскликнул образован-ный Курманбек.

Его зачислили в институт.

Гани честно выполнял свое обещание. Он каждый день за-нимался с тринадцатилетним «студентом». И каждый день благодарный ученик пел «Сау-лемай», расшаркиваясь с учи-телем за урок. Скоро он на-гнал своих товарищей по курсу. Неожиданным в помощи Гани ондал.

Курманбек хорошо учился и очень охотно выступал на кон-цертах, которые устраивал ин-ститутский кружок художе-ственной самодельности. У него был прекрасный голос, отменный слух, он знал мно-жество песен. Слова о таланте

Курманбека Жандарбекова прошла по всему Ташкенту. Его стали приглашать на «большые музыкальные пече-ра».

Однажды в городе устраи-вались «восточный концерт», на котором присутствовал посол Иран, задержавшийся проездом в Москву. Курманбек испро-знал переднюю песню, и почетный гость в знак восхи-щения послал певцу колыно.

Гани Муртабаев не было на этом пещере. Он уже работал в Москве, в Комитетне моло-дежи. Ему поручили заведо-вать восточным отделом.

Сожалением, если немоло-дой комсомольский руководи-тель молодежным движением в странах пробуждающихся Восто-ка. Через год Гани Мурта-баев умер от скоротечной на-токи. Смерть его не прерва-ла ташкентских студентов. Но больше всех горевал Курман-бек. Он любил Гани, как старшего брата. Радость пред-стоящего окончания института была для него омрачена тяже-лой утратой своего близкого и дорогого друга.

Но вот след последний экзе-мен, получив диплом, и Кур-манбек возвращается к себе на родину. Молодого мугалима назначают заведующим в пре-подавателем партийной шко-лы. Жизнь хорошо, но печаль-но остается его сердце. Встрети своего друга Алише-ра Бебешова, он говорит ему:

— Если бы Гани не умер, он был бы великим человеком. Наркомом! А теперь я боюсь, что казаки могут забыть его. Русские ставят памятники ве-ликим людям. А кто побозит-ся в Гани Муртабаеве?

(Окончание на 3 стр.)
